

Сергей Забияко

На три дня

Иногда тишина
говорит громче,
чем люди

ПРИПЯТЬ

Сергей Забияко

На три дня. Роман о Чернобыле

<https://litres.ru/74470902>

SelfPub; 2026

Аннотация

Припятъ, апрель 1986 года. Обычная пятница заканчивается работой, школьными тетрадями, домашними делами и планами на выходные. Ночью происходит авария на Чернобыльской АЭС, но город ещё продолжает жить, не зная масштаба случившегося. Через день людям скажут взять самое необходимое и уехать всего на три дня.

«На три дня» — документально-художественный роман о Чернобыле, рассказанный через судьбы нескольких семей. Не о катастрофе как зрелище, а о повседневной жизни, которую история разрывает внезапно и навсегда. Эвакуация, новые адреса, взросление детей, память, возвращение и попытка перестать быть только «людьми из Чернобыля». Реальные события и историческая фактура становятся основой для вымышленных героев, чьи частные жизни проходят через одну из главных катастроф XX века.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАВТРА	5
Глава 1. Пятница	5
Глава 2. 01:23	18
Глава 3. Посыльный	20
Глава 4. Суббота	25
Глава 5. Елена	33
Глава 6. Город слухов	41
Глава 7. За одним столом	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Сергей Забияко

На три дня. Роман

о Чернобыле

На три дня

Роман о Чернобыле

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАВТРА

Глава 1. Пятница

25 апреля 1986 года

— Нет, этого нет.

Лариса Белых подняла глаза от накладной и только тогда увидела, что покупатель всё ещё стоит у прилавка. Мужчина был лет сорока, в светлой куртке, с двумя книгами под мышкой. Одну он уже выбрал, вторую держал как доказательство того, что разговор ещё не окончен.

— Вы даже не посмотрели, — сказал он.

— Я посмотрела утром. И вчера смотрела. И позавчера. Если привезут — будет вон там, — Лариса показала на полку справа от кассы. — Спрашивайте на следующей неделе.

— На следующей неделе мне уже поздно.

— Тогда сегодня её тем более нет.

Мужчина усмехнулся, будто наконец понял, что спорить не о чем, расплатился и отошёл. За ним тут же приблизилась женщина с девочкой, и ещё несколько минут Лариса искала школьное издание, потом считала сдачу, потом отвлеклась на телефонный разговор заведующей в подсобке. Обычный конец дня в «Книгах»: люди заходили перед выходными, кто-то искал подарок, кто-то учебник, кто-то спрашивал

одно и то же третий раз за неделю в надежде, что за два дня дефицит успел исчезнуть.

Когда дверь наконец закрылась за последним покупателем, Лариса посмотрела на часы и сказала:

— Всё. Хватит с меня культуры.

Продавщица у соседнего отдела засмеялась.

— До завтра?

— До понедельника. Завтра меня дети съедят, если я сюда приду.

Она сказала это без жалобы. Наоборот, выходной уже ощущался чем-то почти материальным: утром не вставать по будильнику, Дениса заставить убрать свои вещи, Марину послать за хлебом, а самой наконец постирать занавески, если будет настроение. Если не будет — не стирать. Само право не делать ничего по расписанию казалось достаточным подарком.

У служебной двери Лариса застегнула пальто, спрятала волосы под платок и вышла на улицу.

Припятъ жила пятничным вечером. У магазинов былолюднее, чем днём; из открытой двери где-то дальше по улице пахло выпечкой, на скамейке сидели двое мужчин, поставив между собой хозяйственную сумку, дети ещё не расходились по домам. Погода держалась мягкая. На деревьях уже была зелень, но ещё молодая, прозрачная, такая, сквозь которую свет проходил почти без сопротивления.

Лариса прошла половину квартала и увидела Марину

раньше, чем та успела сделать вид, будто оказалась здесь случайно.

— Домой, — сказала Лариса.

— Я и иду.

— В обратную сторону?

— Я хотела к Ире.

— Ты хотела к Ире утром. А сейчас ты хотела куда-то ещё.

Марина пожала плечами. Ей было пятнадцать, и в этом возрасте любое объяснение, данное матери, казалось унижением собственной независимости.

— Антон должен был принести мне тетрадь.

— Вот пусть завтра и принесёт.

— Мам, она мне нужна сегодня.

— Для чего?

Марина задумалась на секунду дольше, чем требовал хороший ответ.

— Просто нужна.

Лариса посмотрела на неё и улыбнулась одними глазами.

— Очень убедительно.

Марина вспыхнула.

— Причём тут вообще...

— Ни при чём. Идём.

Они пошли рядом. Марина сначала молчала, потом спросила, будет ли отец завтра. Лариса ответила не сразу.

— Говорил, что постарается.

— Это значит, что не будет.

— Это значит, что постарается.

— У него всегда так.

Лариса не стала защищать Сергея. И ругать тоже не стала. После развода она слишком долго училась отделять своё раздражение от его отношений с детьми, чтобы теперь снова сваливать всё в одну кучу.

— Если у него рейс, значит, рейс.

— А если нет?

— Тогда спросишь у него сама.

У подъезда сидел Денис, вытянув ноги так, что проходящим приходилось его обходить. Рядом стоял велосипед знакомого мальчишки. Денис что-то доказывал ему с тем серьёзным выражением лица, которое появлялось только тогда, когда он говорил вещи, в которых был уверен меньше всего.

— Поднялся, — сказала Лариса.

— Я только...

— Поднялся.

Денис поднялся, но не торопясь, чтобы сохранить достоинство.

— Я вечером выйду.

— Сначала домой зайди. Потом решу.

— Мам.

— Денис.

Марина прошла мимо брата первой и, уже открывая дверь подъезда, тихо сказала:

— Она сегодня добрая. Пользуйся.

— Я слышу, — сказала Лариса.

Дома Денис почти сразу исчез в своей комнате. Марина оставила сумку в коридоре и полезла на кухню. Лариса сняла пальто, повесила ключи на привычный крючок и только тогда заметила записку на тумбочке. Сергей заходил днём, когда никого не было, — соседка открыла ему подъезд и потом передала через мальчишку короткое: «Завтра после обеда буду, если не дёрнут».

Лариса перечитала один раз и положила записку обратно.

— Ну? — Марина стояла в дверях.

— Что «ну»?

— Будет?

— Если не дёрнут.

Марина закатила глаза.

— Я же говорила.

— Не начинай.

— Я ничего.

— Вот и прекрасно.

Через несколько минут она уже спорила с Денисом из-за чайника, и квартира вернулась к своему обычному пятничному шуму.

Лариса поставила на стол хлеб, остатки салата, разогрела суп. Она не думала о Сергее, потом всё-таки подумала, не позвонить ли ему с работы в понедельник, если завтра опять не получится. Потом решила, что это его дело. Дети не ма-

ленькие. Пусть сам объясняет.

Марина ела быстро.

— Я после ужина выйду на полчаса.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты уже выходила.

— Мам, ну что за детский сад?

— Тебе пятнадцать минут назад тетрадь была срочно нужна. Теперь уже не нужна?

Денис засмеялся в тарелку.

— Тебя вообще никто не спрашивал, — сказала ему Марина.

— Я вообще молчу.

— Ты громко молчишь.

Лариса почувствовала знакомое желание рассмеяться и одновременно выгнать обоих из кухни. Она выбрала первое.

— Доели и исчезли. Оба.

Марина всё-таки договорилась: утром она зайдёт к Антону или он к ней, а потом, если Лариса не придумает домашнюю каторгу, они встретятся с остальными. Денис заявил, что у него свои планы и он никому их сообщать не обязан.

— Тогда я тоже не обязана отпускать, — сказала Лариса.

— Это шантаж.

— Это материнская власть.

— Одно и то же.

Позже, когда дети разошлись по комнатам, она ещё долго

возилась на кухне. Вымыть посуду, убрать продукты, проверить, осталось ли масло, прикинуть, хватит ли денег до аванса. Перед сном она ещё раз увидела записку Сергея. Не выбросила её и не спрятала — просто оставила на тумбочке до завтра.

* * *

В общежитии завода «Юпитер» пятница начиналась по-настоящему только после того, как большинство вернулось со смены.

На общей кухне сразу стало тесно. Кто-то жарил картошку, кто-то кипятил бельё, кто-то занял обе конфорки большой кастрюлей и делал вид, что не слышит возмущения соседей. Наталья Король стояла у окна с кружкой чая и ждала, когда освободится плита.

— Ты сегодня куда? — спросила соседка по комнате, нарезая хлеб прямо на газетке.

— Никуда.

— Так не бывает.

— Сегодня бывает.

— Пятница же.

— Именно поэтому я хочу лечь спать.

Соседка посмотрела на неё с сожалением.

— Стареешь.

— В двадцать восемь особенно быстро.

— А завтра?

— Утром решу.

Это было честнее любого плана. Утром можно было пройтись по магазинам, днём — встретиться с девчонками с работы, вечером кто-нибудь обязательно придумал бы куда идти. В Припяти редко требовалось планировать жизнь на неделю вперёд. Город был устроен так, что почти до любого знакомого можно было дойти пешком, а если не застал дома — встретить потом возле магазина, ДК, в автобусе или у кого-нибудь на кухне.

В коридоре хлопнула дверь. Кто-то громко позвал Лену. В другой комнате включили музыку. Наталья наконец дождалась свободной конфорки и поставила маленькую кастрюлю.

— Тебе звонили, кстати, — сказала соседка.

Наталья обернулась.

— Кто?

— Не знаю. Мужчина.

— И что хотел?

— Тебя.

— Очень содержательно.

— Я сказала, что ты на работе. Он сказал, что потом.

Наталья помешала кашу, хотя мешать там было ещё нечего.

— Голос знакомый?

— Мне все мужские голоса знакомые.

— Тогда понятно.

Она не стала спрашивать дальше. Это мог быть кто угодно: знакомый с «Юпитера», двоюродный брат приятельни-

цы, человек, с которым она договаривалась о какой-нибудь мелочи. Мог быть Николай. Последнюю возможность она отодвинула так быстро, что сама заметила это движение.

Николай Серов был женат. Это было главным фактом, который делал остальные ненужными.

Они давно научились существовать в одном небольшом городе, не превращая каждую случайную встречу в продолжение прошлого. Иногда он звонил по делу. Иногда она слышала о нём от общих знакомых. Иногда видела Веру. Припятъ была слишком компактной для красивых исчезновений.

— Завтра с нами пойдёшь? — спросила соседка.

— Куда?

— Ещё не решили.

— Тогда точно пойду.

Они рассмеялись.

После ужина Наталья вернулась в комнату, скинула туфли и открыла окно. Снаружи тянуло прохладой. Внизу кто-то разговаривал, не понижая голоса; по дорожке прошла компания, девушка смеялась так громко, что её было слышно ещё долго после того, как людей уже не стало видно.

На столе лежала незаконченная книга. Наталья прочла две страницы, потом встала, приготовила одежду на утро и решила, что будильник всё-таки ставить не будет. Суббота была рабочей не у всех и не всегда; завтра можно было позволить себе проснуться без команды.

Она погасила свет поздно.

* * *

Андрей Левченко пришёл домой тогда, когда Катя уже сидела в ночной рубашке на полу и строила из кубиков что-то, что называла дворцом, хотя строение больше походило на гараж без крыши.

— Папа, не наступи.

— Очень своевременное предупреждение.

Он замер в прихожей с одной ногой в ботинке.

— Я тебе дорожку оставила.

— Где?

Катя показала узкий проход между кубиками и стеной.

— Это не дорожка. Это испытание.

— Ты же на станции работаешь.

— Вот именно. Я дома отдыхаю от испытаний.

Из кухни донёсся смех Елены.

— Не слушай его, Катюш. Он просто голодный.

Антон выглянул из комнаты.

— Мам, я завтра к Марине зайду.

— Уже договорились?

— Почти.

— Что значит «почти»?

— Значит, она сказала, что, наверное, сможет.

Андрей снял куртку.

— В пятнадцать лет слово «наверное» уже считается договором.

— Пап.

— Я молчу.

Елена поставила перед мужем тарелку.

— Ты поздно.

— Задержались.

— Опять?

— График съехал.

Он сказал это тоном, который означал: ничего интересно-го, обычная работа. Елена не стала уточнять. Она знала достаточно, чтобы понимать: на станции всегда что-то зависело от диспетчеров, смен, ремонтов, чужих решений и того, что называлось просто «надо закончить».

— Завтра работаешь? — спросила она.

— Посмотрю с утра. Если не позвонят — нет.

— Отличная система планирования семьи.

— Зато честная.

Катя появилась в дверях.

— А мы завтра к Ире?

— Ты — возможно, — сказала Елена. — А я ещё не обещала.

— Ты обещала.

— Я сказала: «если успеем».

— Это почти обещала.

Антон, проходя мимо, сказал:

— У нас это семейное.

Елена метнула в него кухонное полотенце.

Вечер распался на маленькие дела. Антон искал тетрадь, которую обещал Марине. Катя не хотела разбирать дворец. Елена вспомнила, что нужно передать что-то Алексею, и попросила Андрея, если увидит его раньше, напомнить позвонить сестре. Андрей сказал, что на стройке пятого и шестого блоков он бывает реже, чем она думает, и вообще Алексей взрослый человек.

— Именно поэтому он забывает чаще детей, — ответила Елена.

Андрей устало улыбнулся.

После ужина он проверил замок на балконной двери — не из тревоги, а потому что Катя утром оставила её неплотно закрытой. Потом прошёл в комнату к Антону.

— Свет долго не жги.

— Я читаю.

— Вижу. Поэтому и говорю.

— Я завтра всё равно могу дольше поспать.

— Это аргумент против электричества?

— Это аргумент за ещё десять минут.

— Пять.

Катя уже лежала. Елена поправила ей одеяло.

— А завтра мы точно пойдём к Ире?

— Если всё будет нормально — пойдём.

— А что может быть ненормально?

— Например, ты не встанешь вовремя.

— Встану.

— Тогда утром решим.

Катя удовлетворилась.

Когда дети затихли, Андрей ещё несколько минут сидел на кухне. Елена сушила руки полотенцем.

— Ты чего?

— Ничего.

— Устал?

— Да.

— Ложись.

Он выключил свет, прошёл в прихожую, машинально дёрнул дверь после того, как повернул ключ. Елена уже была в комнате.

— Закрыл?

— Закрыл.

— Будильник ставить?

Андрей подумал.

— На семь. Если не понадобится — выключу и буду дальше спать.

Елена поставила будильник.

В квартире стало тихо.

Глава 2. 01:23

26 апреля 1986 года

В 01:23:04 началось испытание выбега турбогенератора № 8.

Стопорные клапаны закрылись. Турбина начала терять обороты. Четыре главных циркуляционных насоса, включённые в схему испытания, получали питание от замедляющегося генератора.

Это было действие внутри рабочей программы. До этой секунды ночь оставалась производственной ночью: оборудование, параметры, смена, процедура, задача, которую необходимо закончить перед остановом блока.

В 01:23:40 была нажата кнопка аварийной защиты АЗ-5. Стержни начали входить в активную зону. Через несколько секунд показания стали меняться слишком быстро.

В 01:23:43 появились аварийные сигналы роста мощности. Затем — скачки расхода воды, давления, сигналы повреждения каналов, отказы приборов и систем управления.

Дальше события перестали укладываться в нормальный порядок действий.

Около 01:24 последовали сильные удары. Разрушение прошло через реактор и здание блока быстрее, чем человек мог составить из приборных сигналов целую картину происходящего.

Открылись конструкции. Возникли очаги пожара. В помещениях погасло и включилось аварийное освещение. Люди начали делать то, чему были обучены для аварии, ещё не имея возможности точно назвать аварию, в которой оказались.

За пределами станции ночь почти не изменилась.

В Припяти спали дети. На тумбочке у Белых лежала записка Сергея. В общежитии «Юпитера» остывала кружка на подоконнике. В квартире Левченко стоял заведённый на семь часов будильник.

Через некоторое время в их дверь постучали.

Глава 3. Посыльный

Елена проснулась не от первого стука.

Первый вошёл в сон — короткий, чужой звук, которому мозг ещё пытался подобрать безобидное объяснение. Второй был громче. На третьем Андрей уже сел в постели.

Они несколько секунд слушали. Стук повторился.

— Кто там? — Андрей спросил негромко, чтобы не разбудить детей.

За дверью ответили. Елена разобрала не всё, только «медсанчасть» и свою фамилию. Она встала раньше, чем успела испугаться. Накинула халат, вышла в прихожую. Андрей уже отпирал дверь.

На площадке стоял мужчина, которого Елена, кажется, видела раньше, но в полусне не могла вспомнить где. Он говорил быстро и тихо. Общий вызов. Нужно явиться в МСЧ. Срочно.

— Что случилось? — спросила Елена.

— На станции авария.

— Какая?

Мужчина качнул головой.

— Мне больше не сказали.

Он уже поворачивался к лестнице.

— Всем передаёте?

— Кого велели.

Шаги пошли вниз. Андрей закрыл дверь и посмотрел на Елену.

— Авария где?

— Он сказал — на станции.

— На каком блоке?

— Андрей, я слышала то же, что и ты.

Она вернулась в комнату и начала одеваться. Руки действовали привычно: бельё, чулки, платье, волосы. На работе мог быть пожар, взрыв баллона, массовое поступление после производственной травмы. Сам факт ночного вызова говорил больше, чем слова посыльного, но недостаточно, чтобы выбирать между этими вариантами.

Андрей стоял в дверях.

— Общий вызов ночью просто так не делают.

— Я знаю.

— Подожди. Я попробую узнать.

— Как?

Он не ответил. Домашнего способа узнать происходящее на станции среди ночи у него не было. Можно было одеться и самому идти искать кого-нибудь, можно было ждать звонка, если станция начнёт вызывать его подразделение, можно было строить догадки.

— Тебя не вызывали, — сказала Елена. — Останься с детьми.

— Я понимаю.

— Антона не буди. Катю тоже.

— Да понимаю я.

Раздражение было не на неё. Елена это знала и не стала отвечать. На пороге детской стоял Антон.

— Мам?

— Ты чего встал?

— Кто приходил?

— С работы вызвали.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Что случилось?

Елена застегнула пальто.

— На станции что-то произошло. Иди спать.

— Папа тоже пойдёт?

— Нет. Папа дома.

Антон посмотрел на Андрея, будто хотел проверить, правда ли отец остаётся.

— Всё нормально? — спросил он.

Елена хотела ответить «да», потому что так отвечают ребёнку ночью, когда нужно, чтобы он вернулся в постель. Но слово не вышло.

— Я пока не знаю. Поэтому меня и вызвали.

— Ложись, — сказал Андрей.

Антон ушёл. Катя не проснулась.

Елена сунула ноги в туфли, потом передумала и надела более удобные. Простое решение задело её сильнее всего: она уже готовилась провести там неизвестно сколько времени.

Андрей снова открыл дверь.

— Если узнаю что-то — как тебе передать?

— Через МСЧ. Но не звони без необходимости. Если там массовый вызов, линия будет занята.

— Хорошо.

Она вышла на площадку. Андрей держал дверь.

— Лен.

Она обернулась.

— Осторожно там.

— Где «там»?

Он чуть усмехнулся, но в темноте лица почти не было видно.

— Вот и я о том же.

Дверь закрылась.

На улице было непривычно много движения для этого часа. Не толпа, не паника — просто город, который должен был спать, местами не спал. Вдалеке проехала машина. Потом ещё одна. У перекрёстка двое мужчин шли быстро, не разговаривая. В одном окне горел свет, в соседнем вспыхнул и погас.

Елена не искала глазами станцию. Ей нужно было в МСЧ.

Чем ближе она подходила, тем меньше ночь напоминала обычный вызов. У входа были люди. Кто-то приехал раньше неё. Кто-то, наоборот, только подбегал. Внутри слышались голоса, шаги, короткие команды.

Елена сняла пальто и почти сразу поняла, что расспраши-

вать сейчас никто не будет и объяснять тоже.

— Левченко?

— Да.

— Переодевайтесь. Быстро.

— Что случилось?

— С четвёртого везут.

— Пожар?

Женщина, которая говорила с ней, на секунду задержала взгляд.

— Работайте, Лена. Потом.

Первого тяжёлого пострадавшего Елена увидела через несколько минут. И после этого вопрос «что случилось?» уже перестал быть самым срочным.

Глава 4. Суббота

Светлана Руденко проснулась от запаха табака. Михаил курил на кухне у открытой форточкой, хотя обычно утром не курил до завтрака.

— Ты чего? — спросила она, входя.

Он быстро закрыл форточку.

— Ничего.

— Тогда зачем открыл?

— Душно было.

— И сразу закрыл?

— Свет, не начинай с утра.

На столе стоял нетронутый чай. Это было страннее сигареты.

— Тебе звонили?

— Нет.

— Тогда что?

Михаил помолчал.

— На станции ночью серьёзная авария.

Светлана села.

— Какая?

— Не знаю точно.

— Пожар?

— Вроде был пожар.

— «Вроде»?

— Я не был на четвёртом блоке, Света.

Она посмотрела на часы.

— Мне в школу.

— Иди.

— Иру вести?

— А почему нет?

— Потому что ты сидишь на кухне в семь утра, куришь и говоришь «серьёзная авария».

Михаил раздражённо потёр лоб.

— Пока никто ничего не отменял. Если будет распоряжение — скажут.

Из комнаты вышла Тамара Ивановна, накидывая кофту поверх ночной рубашки.

— Что у вас?

— Ничего, мам, — сказала Светлана.

— Если мужчина курит натошак, значит, уже что-то.

Михаил усмехнулся.

— Вот видишь, — сказала Светлана.

— На станции авария, — сказал он тёще. — Что именно, пока непонятно.

Тамара Ивановна сразу спросила:

— А людям что сказали?

— Каким людям?

— Нам. Городу.

— Ничего.

— Значит, не так страшно.

Михаил посмотрел на неё.

— Не обязательно.

Ира появилась сонная, с одной косой распущенной, другой кое-как оставшейся с вечера.

— Что не страшно?

— Тебе — школа, — сказала Светлана. — Умываться.

— Сегодня же суббота.

— Именно.

— У нас три урока.

— Вот три и отсидишь.

Ира ушла, недовольно волоча тапочки. Михаил сказал тихо:

— Если что-то изменится, заberi её сразу.

— Откуда я узнаю?

— В школе быстрее узнаете, чем дома.

— Почему?

Он не ответил.

Светлана встала и закрыла форточку плотнее, хотя Михаил уже сделал это. Только через минуту она поняла, что повторила его движение.

По дороге в школу город выглядел почти обычным. Не было сирен на каждом углу, бегущих людей, объявлений из громкоговорителей. Но машин попадалось больше, чем положено раннему субботному утру. У некоторых подъездов стояли небольшие группы. Люди разговаривали так, как разговаривают, когда всем известна одна новость, но никому не

известен её размер.

У школы Светлану остановила знакомая мать.

— Вы уроки проводите?

— Пока да.

— А говорят, там всё горит.

— Где «там»?

— На станции.

— Пожар уже был ночью.

— Так был или есть?

Светлана почувствовала, как легко чужой вопрос превращается в обязанность знать ответ.

— Я не знаю. Если будут указания, школа сообщит.

— Детей вообще надо было приводить?

— Нам отмены не давали.

Женщина кивнула, но выглядела не успокоенной, а просто оставшейся без другого собеседника.

В учительской говорили все сразу. Один слышал от мужа, что пострадал энергоблок. Другая — что пожар потушили ещё ночью. Третья знала женщину из больницы и сказала, что туда привезли много людей. Кто-то произнёс слово «радиация», и разговор на несколько секунд изменился: не потому, что все поняли его значение, а потому, что оно было страшнее слова «пожар».

— Откуда вы это взяли? — спросила Светлана.

— Мне сказали.

— Кто?

— Какая разница, кто? Со станции человек.

— Большая разница.

— Света, ну ты же видишь, что происходит.

Завуч вошла и попросила прекратить обсуждение при детях.

— Работаем по расписанию. Если будут дополнительные распоряжения, скажу.

Эта фраза на некоторое время вернула всем привычные роли. В классе дети знали уже больше слухов, чем учителя.

— У нас папа сказал, реактор взорвался.

— А мой сказал, ничего не взорвалось, просто крыша загорелась.

— Там пожарные облучились.

— А что такое «облучились»?

— Замолчали, — сказала Светлана. — Достали тетради.

— Светлана Павловна, а домой нас раньше отпустят?

— Если будет такое решение — отпустят.

— А если не будет?

— Тогда закончите уроки как обычно.

Она повернулась к доске и написала дату.

26 апреля.

Мел скрипнул.

— Итак. Открыли тетради.

Через пятнадцать минут кто-то снова поднял руку.

— Светлана Павловна, а почему окна нельзя открывать?

Она обернулась.

— Кто сказал, что нельзя?

— Мама сказала.

— Тогда дома слушай маму. Здесь окна пока закрыты, потому что прохладно.

Это было не совсем правдой: в классе становилось душно. Но Светлана уже заметила, что ей не хочется открывать окно.

На перемене к ней подошла Ира.

— Мам, Катя сегодня придёт?

— Не знаю.

— Она вчера говорила, что придёт.

— Сегодня всё может измениться.

— Почему?

— Потому что у её мамы работа.

— А причём тут работа?

Светлана не нашла простого ответа.

— Иди к своим.

Ира ушла.

В коридоре дети бегали почти как всегда. Кто-то толкнул кого-то плечом. Девочка заплакала из-за разорванной тетради. Учитель физкультуры сделал замечание мальчишкам, которые носились возле лестницы. Снаружи прошла машина с включённым сигналом.

На секунду все повернули головы к окнам. Потом коридор снова зашумел.

В это же утро Лариса Белых открыла «Книги» почти вовремя. Первый покупатель спросил не про книги.

— Что там на станции?

— Я там не работаю.

— А Сергей?

Лариса подняла глаза.

— Сергей со мной не живёт.

— Но он же в транспортном.

— И что?

— Может, знает.

— Если узнает — пусть сначала детям скажет.

Мужчина смутился и всё-таки спросил нужную книгу.

Марина дома ждала Антона. Денис заявил, что пойдёт во двор, и получил от матери через соседку переданное заранее «никуда далеко». Наталья в общежитии проснулась не от будильника, а от разговоров в коридоре. Одна девушка говорила, что на станции взорвалась турбина, другая — что горел четвёртый блок, третья уверяла, что её знакомый видел пожарных и «там всё очень плохо».

Наталья вышла с полотенцем на плече.

— Кто-нибудь знает хоть что-нибудь точно?

— Точно авария.

— Это я уже поняла.

— И радиация.

— Какая радиация?

— Обычная.

Наталья посмотрела на говорившую.

— Обычная радиация?

— Ну, я не знаю, как это называется.

Кто-то засмеялся. Смех был короткий и быстро закончился. У Черненко Алёша спросил, почему папа не пришёл ночевать. Оксана ответила, что папа на работе.

Пётр Андреевич, который приехал к дочери всего несколько дней назад, посмотрел в окно и сказал:

— У вас тут сегодня машин больше, чем людей.

— Пап, не начинай.

— Я ничего. Город у вас такой.

— Какой?

— Молодой. Всё куда-то едет.

Алёша потребовал кашу. Оксана пошла на кухню. Утро продолжалось.

Глава 5. Елена

К восьми утра Елена перестала замечать время.

Сначала она пыталась удерживать его по привычке: столько-то минут на одно, столько-то — на другое, запомнить, когда привезли очередного пострадавшего, когда отправили анализы, когда кто-то из врачей спросил о свободных местах. Потом минуты слиплись. Ночь не закончилась, а просто стала светлее за окнами.

Людей привозили с ожогами, травмами, слабостью, тошнотой. У некоторых состояние не укладывалось в привычную картину одного повреждения. Вопросы повторялись: где был, сколько времени, что произошло, кто ещё там остался. Ответы почти никогда не давали полной картины.

— На четвёртом, — сказал один мужчина, когда Елена помогала снять с него одежду.

— Где именно?

Он назвал помещение, но она не знала станцию настолько, чтобы сразу представить его на схеме.

— Пожар был рядом?

— Везде был пожар.

Он сказал это без драматизма, просто как человек, которому трудно дышать и не хочется объяснять.

Елена не стала уточнять. Другой всё время пытался встать.

— Мне обратно надо.

— Лежите.

— Там смена.

— Лежите.

— Вы не понимаете.

— Понимаю достаточно, чтобы вы сейчас никуда не пошли.

Он посмотрел на неё сердито, потом закрыл глаза. В коридоре кто-то спросил:

— Сколько ещё?

Ответа не было.

Утром стало ясно, что часть пострадавших будут готовить к переводу. В медсанчасти менялся обычный порядок работы: люди появлялись не по одному и не по расписанию, распоряжения приходили быстрее, чем успевали обсуждать. Елена слышала отдельные слова: «радиация», «блок», «Москва», «дозиметристы», но ни одно из них не превращалось в понятное объяснение.

Через несколько минут это слово стало предметом. В приёмном появились люди с приборами. Снятую одежду, которую ночью клали рядом с каталками или на свободные стулья, велели больше никуда не относить до проверки. После одной куртки прибор среагировал сильнее, и её сразу унесли отдельно. Потом ещё одну.

— Это моё? — спросил мужчина с каталки.

— Ваше.

— Вернут?

Никто не ответил сразу. Елена помогала сменить простыню и слышала за спиной:

— Всё снятое сначала на проверку.

Она посмотрела на стул у стены. Несколько часов назад сама складывала туда одежду пострадавших, освобождая руки для перевязки. Теперь стул стоял пустой.

Когда Елена потянулась за чистой простынёй, пальцы не сразу разжались после края каталки. Она несколько раз сжала и разжала кулак. Потом выпила два глотка воды из стакана у поста и вернулась к работе.

Она поймала себя на том, что в третий раз думает об одном и том же: Андрей открыл утром окно или нет.

Мысль была нелепой, потому что она не знала, опасно ли окно. Но именно поэтому она возвращалась.

Когда появилась возможность на минуту отойти, Елена подошла к телефону. Перед ней уже стояли двое.

— Домой? — спросила женщина впереди.

— Да.

— Все домой.

Линия была занята. Потом освободилась, но дозвониться сразу не получилось. Елена постояла ещё минуту и вернулась в отделение, не дождавшись.

Работа была конкретнее тревоги. Через некоторое время её остановила знакомая сотрудница.

— Ты с детьми что сделала?

— Они с Андреем.

— Он дома?

— Был ночью.

— А сейчас?

Елена почувствовала, как вопрос входит слишком глубоко.

— Не знаю.

— Говорят, мужчинам со станции могут давать дополнительные распоряжения.

— Кто говорит?

— Все говорят.

— «Все» — это кто?

— Лен, я не знаю.

Елена кивнула и пошла дальше.

Она всегда раздражалась, когда люди пересказывали непроверенное. Сейчас раздражение было почти спасительным: пока можно было спорить с точностью слов, происходящее ещё оставалось частью понятного мира.

Но к середине утра объяснение «крупный пожар» перестало помещать в себя то, что она видела.

Не одна деталь. Их сумма.

Слишком много вызванных сотрудников. Слишком много пострадавших из одной производственной точки. Слишком серьёзно относились к тому, где человек находился и сколько там пробыл. Слишком быстро стали готовить часть людей к дальнейшему переводу. Слишком часто взрослые профес-

сионалы, которые обычно отвечали коротко и точно, говорили друг другу: «пока неизвестно».

Елена не знала, что произошло с реактором.

Но впервые подумала, что вопрос о проблеме в реакторе вообще может стоять.

Эта мысль показалась ей настолько большой, что она тут же от неё отказалась.

Вместо этого она нашла свободную минуту и снова подошла к телефону.

На этот раз ответил Антон.

— Мам?

— Да. Папа где?

— Здесь.

— Дай ему.

Она услышала, как сын зовёт Андрея. Потом в трубке появился муж.

— Лен.

— Как вы?

— Нормально. Ты?

— На работе.

— Это я понял.

— Детей из дома далеко не отпускай.

На другом конце возникла пауза.

— Почему?

— Просто не отпускай.

— Лена, «просто» не подходит.

— Я не знаю, Андрей.

— Что ты видишь?

Она посмотрела на коридор.

— Много пострадавших.

— С четвёртого?

— Да.

— Пожарные?

— И не только.

— Что говорят?

— Ничего целого.

— Радиация?

Она закрыла глаза.

— Говорят и про неё.

— Какая?

— Я не дозиметрист.

— Понятно.

— Ничего тебе не понятно.

— Мне понятно, что ты звонишь и говоришь не выпускать детей.

Елена услышала собственное дыхание.

— Я не могу сейчас домой.

— Не надо. Я с ними.

— Если тебя вызовут?

— Отведу детей к Светлане.

— А если её не будет?

— Тогда придумаю.

Он сказал это тем же голосом, каким дома говорил про сломанный кран, опоздавший автобус или неожиданный вызов на работу. Практическим. Без обещания, что всё будет хорошо.

Елена почувствовала благодарность именно за это.

— Катя спрашивала про тебя.

— Что сказал?

— Что работаешь.

— Правильно.

— Лен, мне надо узнать побольше.

— Только не лезь никуда из любопытства.

— Я похож на идиота?

— Иногда.

Он тихо рассмеялся.

— Вот теперь слышу тебя.

Кто-то позвал Елену из коридора.

— Всё. Мне надо.

— Позвони, когда сможешь.

— Да.

— И сама никуда не выходи без необходимости.

— Андрей, я в больнице.

— Я знаю.

Она повесила трубку. Через пять минут разговор уже казался роскошью из другой жизни.

* * *

Андрей ещё несколько секунд держал трубку после того,

как связь оборвалась.

— Что она сказала? — спросил Антон.

— Чтобы вы никуда далеко не ходили.

— А почему?

— Потому что так сказала мама.

— Это не ответ.

— Это пока лучший ответ.

Катя сидела за столом и ела хлеб с маслом.

— А к Ире можно?

— Нет.

— Но мама вчера сказала...

— Сегодня мама сказала другое.

Катя нахмурилась.

— Она всегда так.

Антон фыркнул.

— Не всегда.

Андрей подошёл к окну, посмотрел во двор и не открыл его.

Глава 6. Город слухов

К полудню в «Книгах» почти перестали говорить о книгах.

Люди заходили, спрашивали, что слышно, и только потом вспоминали, зачем пришли. Некоторые ничего не покупали. Им нужен был не магазин, а место, где можно встретить другого человека и сравнить версии.

— Пожар потушили ещё ночью.

— Так почему больница полная?

— Кто сказал, что полная?

— У меня сестра там работает.

— А у меня муж на станции, и он сказал, что всё уже под контролем.

— Он вам звонил?

— Передали через знакомых.

— Ну вот.

Лариса сначала пыталась не слушать. Потом поняла, что это невозможно.

Один мужчина уверял, что повреждена только крыша. Женщина с авоськой сказала, что разрушен весь блок. Кто-то слышал, что эвакуации не будет. Кто-то — что детей уже собираются вывозить. Кто-то советовал пить йод. Другой спорил, что йод вреден. Третья сказала, что надо закрыть окна.

Лариса подняла голову.

— А это кто сказал?

— Врач.

— Какой врач?

— Знакомая знакомой.

Лариса отвернулась.

— Вот когда знакомая знакомой придёт и сама скажет, тогда и поговорим.

— Вы всё смеётесь, — обиделась женщина.

— Я не смеюсь. Я пытаюсь понять, что из этого правда.

— А разве не видно, что что-то случилось?

— Видно. Что именно — не видно.

К двум часам Лариса уже злилась на Сергея. Он не пришёл.

Записка «если не дёрнут» теперь казалась издевательски точной. Его именно дёрнули. В обычный день это было бы достаточным объяснением. Сегодня — нет.

Марина появилась в магазине без разрешения.

— Ты почему здесь?

— Я пришла сказать, что Антон не пришёл.

— И для этого надо было идти через полгорода?

— Не через полгорода.

— Где Денис?

— Во дворе.

— Я сказала обоим сидеть дома.

— Он во дворе у дома.

— А ты где?

Марина замолчала. Лариса сняла очки.

— Домой.

— Мам, я хочу узнать, что с Антоном.

— С Антоном, скорее всего, то же, что со всеми: мать на работе, отец дома, их никуда не выпускают.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что его мать в больнице. Мне уже трое об этом сказали.

— Что с ней?

— Работает.

— Я знаю, что работает. Что в больнице?

Лариса посмотрела на дочь. Вопрос был взрослым, но лицо оставалось детским в тех местах, где Марина сама этого не замечала.

— Я не знаю.

— Все что-то не знают.

— Да.

— И ты?

— И я.

Марина опустила плечи.

— Можно я хотя бы зайду к Ире?

— Нет. Домой.

— Почему?

— Потому что если мне понадобится вас быстро найти, я хочу знать, где вы.

— Зачем быстро?

Лариса сама слышала, как слово прозвучало.

— Просто иди.

— «Просто» — это не объяснение.

— Сегодня хватит и такого.

Марина ушла, сердито толкнув дверь. Через несколько минут пришёл Денис.

— Вы сговорились?

— Я не с Мариной.

— А где ты должен быть?

— Дома.

— Тогда почему я тебя вижу?

— Я хотел сказать, там ребята говорят, можно пойти посмотреть на станцию с крыши одного дома.

Лариса медленно положила ручку.

— Что?

— Я не собирался. Я просто говорю.

— Денис.

— Мам, я же сказал — не собирался.

— И не соберёшься.

— Да понял я.

— Нет, не понял. Сегодня никаких крыш, никаких «посмотреть», никаких дворов дальше нашего. Домой. И Марину от себя не отпускай.

— Она меня не слушает.

— Значит, впервые в жизни пригодишься как старший брат.

— Я младше неё на два года.

— Тогда как брат вообще.

Денис хотел возразить, но передумал.

— А отец где?

— На работе.

— Он придёт?

Лариса посмотрела на записку, которой здесь не было, но будто была перед глазами.

— Не знаю.

Денис кивнул и вышел. Он не спросил больше ничего.

* * *

В общежитии «Юпитера» слухи ходили быстрее людей.

Версия могла появиться в одной комнате и через десять минут вернуться с другого этажа уже изменённой. Наталья сначала пыталась запоминать, кто именно что сказал. К обеду бросила.

— Закрывать окна надо, — сказала соседка.

— От кого распоряжение?

— От людей.

— Очень официальный источник.

— Наташ, ну закрой. Что тебе, жалко?

Наталья закрыла. Не потому, что поверила. Потому что спорить было бессмысленно.

На первом этаже кто-то безуспешно пытался дозвониться родственникам. Девушка плакала, потому что брат был на станции и не отвечал. Другая успокаивала её тем, что «всё

уже потушили». Третья вдруг начала стирать бельё, хотя собиралась делать это завтра.

Наталья вышла на улицу ненадолго, дошла до знакомых и вернулась. По дороге заметила милицейскую машину, потом ещё одну. Возле магазина люди стояли группами. Дети всё ещё были во дворах, но меньше, чем обычно.

Припять не выглядела городом после катастрофы.

Она выглядела городом, который пытается понять, надо ли ему бояться.

* * *

Николай Серов за день услышал больше телефонных разговоров, чем большинство жителей за неделю, и всё равно не мог бы ответить на простой вопрос Веры: «Что происходит?»

Связь работала рывками. Одни линии были заняты, по другим шли служебные переговоры, люди звонили друг другу, на узле росло напряжение. Техническая близость к сообщениям не делала его участником их содержания. Он видел только рисунок: резко увеличившаяся потребность связаться, найти, подтвердить, передать.

— Ты же там сидишь, — сказала Вера, когда он наконец ненадолго пришёл домой. — Неужели совсем ничего?

— Я сижу не в голове у начальства.

— Но звонки идут.

— Идут.

— Куда?

— Везде.

— Коля.

— Вера, я не могу рассказывать тебе служебные разговоры, которых я и сам целиком не слышу.

— Я не прошу секреты. Я хочу знать, можно ли завтра идти в ДК.

Николай посмотрел на неё.

— Завтра?

— Да, завтра. У нас репетиция.

Он хотел сказать: «Какая репетиция?» — и остановился. Для неё это был не глупый вопрос. Это был способ понять масштаб. Если завтра репетиция состоится, значит, город остаётся городом.

— Не знаю, — сказал он.

Вера села.

— Все сегодня говорят «не знаю».

— Потому что не знают.

— А кто знает?

Николай не ответил.

Глава 7. За одним столом

К вечеру субботы семья Руденко снова собралась на кухне. Только это была уже не та кухня, с которой началось утро.

На столе стояла еда, но ели медленно. Ира возила вилкой картошку по тарелке. Тамара Ивановна несколько раз начинала говорить и замолкала. Михаил пришёл позднее, чем обещал, и принёс с собой запах улицы, табака и чужих разговоров.

— Ну? — спросила Светлана.

Он снял пиджак.

— Что «ну»?

— Ты весь день где-то был. Что узнал?

— Узнал, что все врут по-разному.

— И что мне с этим делать?

— Свет, не начинай.

— Я с утра только это и слышу.

Ира подняла глаза.

— Пап, а реактор правда взорвался?

Михаил посмотрел на дочь.

— Кто тебе сказал?

— В школе.

— Кто в школе?

— Все.

— «Все» — это не человек.

— У Коли папа на станции.

— И что именно сказал папа Коли?

Ира пожала плечами.

— Что реактор.

— Сам слышал?

— Нет.

— Вот и всё.

Светлана отложила вилку.

— А ты можешь сказать, что реактор цел?

Михаил не ответил сразу.

— Я сам не видел. И подтверждения нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.